

А. П. КУЗИЧЕВА

Письма А. П. Чехова. «Медленное чтение»

Письма Чехова появились в российской печати еще при жизни писателя. Сам он на просьбу о публикации ответил однажды: «Напечатание связало бы меня на будущее время; потом, когда бы я писал письма, я был бы уже не свободен, так как мне всё казалось бы, что я пишу для печати» (П 9, 42–43).

Поступок журналиста, опубликовавшего его частное письмо, Чехов назвал в обращении в редакцию «неловким и бестактным»*.

Он возражал против чтения его писем приятелями или родными посторонним людям (П 1, 235), настаивал на том, что «частная переписка есть семейная тайна, до которой никому нет дела» (П 2, 98). Сам никому не читал чужих писем, а если по какой-то необходимости цитировал их в письме к кому-то, то просил адресата порвать свое послание или никому более не передавать чужие слова.

Зная, что некоторые приятели собирают его письма, Чехов подшучивал над собой и над ними, например, в письме к А. С. Лазареву (Грузинскому) от 31 августа 1888 года: «Если бы я был уверен, что после Вашей смерти это письмо не попадет в руки Лейкина, то высказался бы пред Вами смелее и с полной откровенностью; но так как письма мои Вы бережете, то осторожно ставлю точку и молчу» (П 2, 324). Чехов не раз иронически предсказывал, что его письма будут опубликованы, когда его не будет на свете (П 2, 161), шутил, что адресат сможет выгодно продать их (П 1, 199), (П 3, 197).

Много раз Чехов в шутку и всерьез говорил, как любит получать письма, особенно в ялтинском одиночестве: «здесь, в благословенной Ялте, без писем можно было бы околеть» (П 9, 40). Когда жил за грани-

* См.: Летопись жизни и творчества А. П. Чехова. Т. 4. В двух книгах. Книга первая. 1895–1896. М.: ИМЛИ РАН, 2016. С. 373–374.

цей, просил родных и знакомых писать ему чаще: «письма доставляют здесь немалую радость» (П 7, 53); «пишите, пожалуйста, здесь скучно без писем, без этого дыма отечества» (П 7, 88); «Да и как-то подбадривают письма к работе» (П 7, 124).

Но любил ли Чехов сам писать письма? Как складывалась и как расстраивалась переписка с тем или иным современником? Какое значение она имела в его жизни? Как он отзывался о своих письмах в разные годы?

Пристрастие к хорошей почтовой бумаге, конвертам, к «почтовым» предметам, вроде корытца и валика для марок, привычка начинать день с ответа на письма, наконец, само огромное эпистолярное наследие, — всё это, большое и малое, свидетельствует о значении переписки в жизни Чехова. Уже в 1892 году он говорил, что писем накопилось так много, что «подступить страшно» (П 5, 76). Не храня автографов своих сочинений, не создавая домашнего литературного архива, Чехов хранил свою корреспонденцию. В конце года он, по его шутливому признанию, «сортировал» письма, раскладывал их по адресатам в большие пакеты. Иногда просматривал, приводя в порядок многолетнюю переписку, например, с А. С. Сувориным.

Поток писем увеличивался вместе срастающей популярностью писателя, с его издательской и благотворительной деятельностью. В последние годы Чехова одолевали просьбами об участии в том или ином издании или общественном деле, о вспомоществовании, об устройстве чахоточных больных в Ялте. В 1899 году он однажды пошутил, что его ялтинский кабинет похож «на почтовое отделение» (П 8, 117). Тогда же сетовал в письме к сестре: «Получаю много деловых и неделовых писем. Не могу отвечать, надоело, и если отвечать на все письма, то нужно сидеть за столом от утра до вечера. Почтальон ропщет и изумляется» (П 8, 132). На ответы всем порой не было физических сил из-за болезней. Но Чехов отвечал. Многие его письма начинаются словами: «Спешу ответить...»

Сразу после кончины писателя газеты и журналы стали публиковать письма Чехова и статьи о письмах Чехова*. Уже тогда было высказано мнение: «Не много писателей, письма которых были бы так ценны для понимания их личности, как письма Чехова. В нем есть и, конечно,

* См., например: Петербургский дневник театрала. 1904. 11, 18 июля, 14, 28 ноября; Письма А. П. Чехова // «На памятник Чехову». Стихи и проза. СПб., 1906; Николай Александрович Лейкин в его воспоминаниях и переписке. СПб., 1907; Антон Чехов. Письма из Сибири // Новое слово. Товарищеские сборники. Книга вторая. М., 1907; *Поссе В.* Письма А. П. Чехова // Новый журнал для всех. СПб., 1908. № 2. Декабрь. Стб. 70–81; *Соболев Ю. В.* О письмах Чехова: (К 5-летию со дня смерти) // Московский еженедельник. 1909. № 27. 11 июля. Стб. 49–64.

навсегда останется что-то загадочное»*. По мнению этого современника, письма Чехова нельзя исследовать частями.

Судьба эпистолярного наследия Чехова освещена в одноименной статье**. Утверждение, что «огромное количество чеховских писем остается неизвестным», по-прежнему в силе. Многие невозвратно утрачено в катаклизмах ушедшего столетия, хотя отдельные письма, случайно или в результате архивных разысканий, находят до сих пор. На сегодняшний день опубликованы свыше четырех с половиной тысяч писем Чехова. Несохранившимися и найденными, но известными по ответным письмам Чехова и по другим источникам, числятся свыше полутора тысяч чеховских писем.

Появление первых сборников*** и томов собрания писем Чехова, особенно шеститомника, подготовленного М. П. Чеховой и вышедшего в 1912–1916 годах, вызывало сразу множество откликов современников****. В статьях и рецензиях их называли «сокровищницей», сравнивали с письмами Пушкина*****. О них в то время говорили как о главном литературном событии. Не сомневались, что письма — лучшая биография Чехова^{6*}, «автопортрет, от которого не хочется оторваться»^{7*}. Надеялись, что они приоткроют личность писателя, его творческую лабораторию, называли их «учебником писательского мастерства», редкой «книгой жизни», «дневником человека с большой душой»^{8*}. Но некоторые читатели полагали, что «время для “характеристики” Чехова еще не настало. Чтобы писать о нем, мало его любить, мало его чувствовать, нужно еще вполне его узнать»^{9*}, «много придется почерпнуть и из других источников»^{10*}.

Современники не сомневались: автору *таких* писем дан свыше литературный, и, что еще важнее, человеческий дар. Об этом размышляли,

* Горнфельд А. Г. Книги и люди. Литературные беседы. СПб.: Жизнь, 1908. С. 253.

** См.: Гитович Н. И. О судьбе эпистолярного наследия Чехова // Чехов А. П. Указ. собр. соч. и писем. Письма. Т. 1. М., 1974. С. 295–318.

*** См.: Письма А. П. Чехова. Собраны Б. Н. Бочкаревым. М.: Тип. Т-ва И. Д. Сытина, 1909; Собрание писем Чехова / Под ред. и с комм. Вл. Брендера, вступ. ст. Ю. Айхенвальда. Т. 1. М.: Современное творчество, 1910.

**** См.: Масанов И. Ф. Чеховиана. Вып. 1. Систематический указатель литературы о Чехове и его творчестве. М.: Гос. центр. Книжная палата, 1929. С. 39–42.

***** Гуревич Л. Я. Посмертный лик Чехова // Русская мысль. 1910. № 2. С. 117.

^{6*} Измайлов А. Чехов о своей жизни. (Первый том переписки) // Русское слово. 1912. № 23. 28 янв.

^{7*} Яблоновский С. Письма Чехова // Русское слово. 1913. № 175. 30 июля.

^{8*} Ожигов Ал. [Ашешов Н. П.] Литературные мотивы. Пятый том писем А. П. Чехова // Современное слово. 1915. № 2556. 25 февраля.

^{9*} Колтоновская Е. А. Критические этюды. СПб., 1912. С. 209.

^{10*} См.: Литературное наследство. Т. 68. М.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 403.

этим даром прежде всего восхищались авторы откликов. Замечая, что Чехов в них художник, что письма органично связаны с чеховской прозой и драмой*, они утверждали, что в них «продолжение его творческого уяснения и раскрытия жизни. <...> ...Чувствуется гениальная легкость концентрировать сложное в заметах зоркой души»**. Удивлялись, как ближайшие друзья не догадывались, «не подозревали, что всегда с самого начала рядом с ними <...> гений, художник, мудрец»***.

Словно подводя итоги восприятия чеховских писем «поколением Чехова», автор первой книги о них подчеркивал, что они не исчерпываются «никакими цитатами: столько в них чарующей содержательности, ума, сердца»****. Волна первых откликов, высоко поднявшись, схлынула и не повторилась в такой же силе чувства потери человека и обретения навеки великого художника.

В 1920-е и 1930-е годы отзывы о чеховских письмах появлялись в связи с выходом сборников неопубликованных писем*****, переписки Чехова^{6*}. Рецензенты считали, что чеховские письма — «драгоценный источник», что они будут полезны молодым писателям^{7*}.

Появившееся в Берлине собрание писем Чехова к О. Л. Книппер^{8*} вызвало в эмигрантской прессе в числе прочих критические замечания в адрес издателей, якобы поспешивших с публикацией, так как «для объективного суждения» о «драматической стороне брака Чехова» надо видеть и письма Книппер к Чехову^{9*}. Один из рецензентов утверждал даже, что в этих письмах нет ничего особенного, в основном — о по-

* См.: *Кванин С.* О письмах Чехова. (Уединенно верующий). 1904–2/VII — 1914. М., 1914. С. 12, 14, 17.

** *Сахновский Вас.* Письма А. П. Чехова // Русская иллюстрация. 1915. № 7–8. С. 7.

*** *Чуковский К.* Письма Чехова. (Вместо рецензии) // Речь. 1910. № 10. 11 января.

**** *Айхенвальд Ю.* Письма Чехова. М.: Космос, 1915. С. 35.

***** См.: *Чехов А. П.* Новые письма. (Из собраний Пушкинского Дома) / Под ред. Б. Л. Модзалевского. Пг.: Атений, 1922; *А. П. Чехов: затерянные произведения. Неизданные письма. Воспоминания. Библиография* / Под ред. М. Д. Беляева и А. С. Долинина. Л.: Атений, 1925. С. 85–182; *Чехов А. П.* Несобранные письма / Ред. Н. К. Пиксанова. Комментар. Л. М. Фридкиса. М.; Л.: Гос. изд-во, 1927; *Чехов А. П.* Неизданные письма / Вступ. ст. и ред. Е. Э. Лейтнеккера. Подг. и коммент. К. М. Виноградовой, Н. И. Гитович, Е. Э. Лейтнеккера. М.: Гос. из-во, 1930.

^{6*} См.: *А. П. Чехов и В. Г. Короленко. Переписка* / Ред. и вступл. Н. К. Пиксанова. Комментар. Л. М. Фридкиса. М.: Изд-во Т-ва И. Д. Сытина, 1923; *Переписка А. П. Чехова и О. Л. Книппер. В трех томах* / Ред. и примеч. А. Б. Дермана. Т. 1. М.: Мир, 1934; Т. 2. М.: ГИХЛ, 1936.

^{7*} См.: *Бельчиков Н. А.* П. Чехов. Несобранные письма... // Печать и революция. 1928. Кн. II. С. 186–187.

^{8*} См.: *Письма А. П. Чехова к О. Л. Книппер-Чеховой.* Берлин: Слово, 1924.

^{9*} *Степанова П.* Преждевременная книга // На чужой стороне. Берлин. 1924. № 7. С. 313–315.

годе, о еде, о лекарствах: «Веет от этой книги тоской не только потому, что письма неинтересны: главное чувствуешь, как скучно было Чехову жить»*. Хотя издатели предупреждали во вступлении, что «теперь еще не время для полной подробной биографии Чехова, особенно это справедливо по отношению к последним годам его жизни».

Другой автор убеждал читателей, что «письма Чехова совсем не “литература” и не предназначались для будущих читателей. <...> Единый и цельный образ все же вырисовывается из того, что мы знаем о Чехове. Но в творчестве этот образ утончается, одухотворяется, в письмах же он скорее упрощается и даже иногда огрубляется»**.

Но в эти же годы, утверждая, что «живого Чехова, с его настоящими вкусами и тяготениями, с его подлинным жизнеощущением и непониманием, ни воспоминания о нем, ни исследования о его творчестве до сих пор нам не дали», один из первых биографов писателя подчеркивал, что чеховские письма — самый важный и вместе с тем самый трудный источник для описания судьбы и творчества Чехова: «никого не пускал Чехов в свою “душу”, и в самых, казалось бы откровенных своих письмах ни с кем не делился ни своими творческими замыслами, ни своими внутренними переживаниями»***.

Другой исследователь тогда же подчеркивал: «Чехов в своих письмах продолжил себя как художник. <...> Эпистолярная манера Чехова оказалась настолько оригинальной и свежей, что наименование особого раздела чеховских текстов — “письма Чехова” — становится уже нарицательным. <...> Нужно, конечно, пожелать, чтобы в следующее издание полного собрания сочинений А. П. Чехова, наряду с его художественной прозой, был бы включен академический свод его писем — это органическая часть всего творчества большого, редкого художника»****.

Первые биографы Чехова придавали письмам огромное значение: «Это не будничная почтовая проза, это особый вид литературного творчества. Трудно охватить всё их глубокое и разнообразное значение. Одинаково важные в деле понимания личности и творчества Чехова, они в равной степени нужны его биографу, критику и читателю. <...>

* Алданов М. Письма А. П. Чехова к О. Л. Книппер // *Современные записки*. Т. 20. [Париж, 1924]. С. 422–423.

** Цетлин М. О. О Чехове (1904–1929) // *Современные записки*. Т. 41. Париж, 1930. С. 486–488.

*** Соболев Ю. Новые письма Чехова // *Красная нива*. 1924. № 16. С. 382; См. также: Соболев Ю. *Новый Чехов. Материалы и документы*. М.: Огонек, 1925. С. 28.

**** Лейтнеккер Е. Письма Чехова // *Чехов А. П. Неизданные письма* / Ред. Е. Э. Лейтнеккер. Коммент. К. М. Виноградовой, Н. И. Гитович, Е. Э. Лейтнеккера. Вып. 1. М.; Л.: Госиздат, 1930. С. 8, 16, 22.

Широкие полосы света льются от этих страниц и в тайники чеховского характера. <...> Письма Чехова — великая школа жизни <...> заветы простой и высокой мудрости <...>. Вот почему собрание чеховских писем стоит в ряду лучших книг русской литературы»*.

Дневники, мемуары, письма и воспоминания, изданные в последующие десятилетия, сохранили отзывы современников Чехова и читателей первой половины XX столетия о письмах писателя. Их было уже не так много, как в начале века. Но они важны: «Что за человек был Чехов! Теперь я читаю его письма. Их шесть томов, я прочел четыре и думаю: “Как ужасно, что осталось только два! Когда они будут прочтены, он умрет, и мое общение с ним кончится”. Какой человек!»**

Восприятие творчества и писем Чехова в новую пору, в других обстоятельствах — интересная страница еще не написанной истории о судьбе наследия Чехова: «Упиваюсь письмами Чехова! Моральная гениальность. Непременно прочтите письма Чехова. Это *корифей* эпистолярной прозы. <...> А я <...> упиваюсь перечитыванием писем Чехова. Письма с дороги (по пути на Сахалин) — верх совершенства, они стоят его лучших созданий. Я их читаю за свое земное странствование, кажется, в 10-й раз — и наслаждение совсем новенькое и самое острое»***.

В это же время в научный и читательский обиход вошли издания, включавшие большие массивы писем к Чехову****. Появлялись обзоры и публикации писем Чехова и писем к Чехову, хранящихся в государственных архивах, в фондах музеев и библиотек*****.

Особое внимание к личности и творчеству Чехова в юбилейный год — столетие со дня рождения писателя (1960) — оживило в том числе интерес к эпистолярному наследию писателя. Обширный раздел «Из пе-

* Гроссман Л. Письма Чехова // Огонек. 1928. № 51. 16 дек. С. 2–3.

** См.: Воспоминания о Рахманинове. М.; Л.: Музгиз, 1945. Сб. ст. № 4. С. 128.

*** См.: Из литературного наследия академика Е. В. Тарле. М.: Наука, 1981. С. 262–263.

**** См.: Письма А. П. Чехову его брата Александра Чехова / Подгот., вступ. ст. и коммент. И. С. Ежова. Под ред. И. К. Луппола. М.: Гос. соц.-эконом. изд-во, 1939; Письма Вл. И. Немировича-Данченко к А. П. Чехову (1888–1904) // Ежегодник Московского Художественного театра, 1944 г. Т. 1. М.: Изд-во МХАТ им. М. Горького, 1946. С. 91–169; Чехова М. П. Письма к брату А. П. Чехову. М.: Гос. из-во худож. лит-ры, 1954.

***** См.: Записки отдела рукописей. Вып. VIII. А. П. Чехов / Редакция Н. А. Мещерякова. М.: ОГИЗ-Госполитиздат, 1941. 116 с. [см. также: Записки отдела рукописей, вып. 16 (М., 1954. С. 189–233); вып. 21 (М., 1959. С. 65–101)]; Чехов А. П. 1) Полн. собр. соч. и писем: в 20 т. М., Гослитиздат, 1944–1951; 2) Рукописи. Письма. Биографические документы. Воспоминания... Описание материалов Центр. Государст. Архива литературы и искусства СССР. М.: Советская Россия, 1960. С. 155–163.

реписки Чехова» в фундаментальном юбилейном томе «Литературного наследства» был посвящен новонайденным и несобраным письмам Чехова, новонайденным автографам его опубликованных писем, неизданным письмам к Чехову*. Не менее представительный раздел этого уникального труда — «Неизданные письма к Чехову»**.

В те годы было подмечено, что чеховские письма недостаточно изучены с точки зрения языкознания и лингвистики. Словно «исправляя» упущение, исследователи надолго сосредоточились на этой проблеме. Письма Чехова рассматривали сквозь призму популярных тогда литературоведческих и лингвистических научных теорий.

Число научных публикаций, посвященных чеховским письмам, возрастало год от года. Они появлялись в сборниках, издаваемых по материалам научных конференций, проводимых многими университетами, институтами, академическими научными учреждениями***.

К давнему утверждению, что для уяснения личности Чехова, исследования взаимосвязи его сочинений и писем, изучения особенностей эпистолярия Чехова нужен весь свод писем, прибавилось утверждение, что для этого необходимо как можно полнее опубликовать и исследовать его переписку: «Он относился к переписке, как относятся к летописанию, не отдавая особого предпочтения ни одной из глав или страниц, ничего не исправляя в этой летописи и не вычеркивая»****.

Письма к Чехову (их в архиве писателя около 10 000) публиковались и все чаще становились объектом изучения. Справедливо было наблюдение, предварявшее публикацию обширного свода переписки Чехова, что, например, вопрос о взаимоотношениях писателя с переводчиками его произведений на иностранные языки долгое время «не привлекал серьезного внимания исследователей»*****. Но и этот пробел был восполнен.

* См.: Литературное наследство. Т. 68. Чехов. М.: из-во АН СССР, 1960. С. 149–263.

** Там же. С. 293–470.

*** См.: Малахова А. М. Поэтика эпистолярного жанра // В творческой лаборатории Чехова. М.: Наука, 1974. С. 310–328; Захарова В. Е. Использование художественных элементов в эпистолярном творчестве писателя (на материале писем А. П. Чехова) // Вопросы стилистики русского языка. Ульяновск, 1978. С. 83–92; Глушков С. В. Письма А. П. Чехова как малый литературный жанр: (Панорама провинциальной жизни) // Малые жанры в русской и советской литературе. Киров. 1986. С. 100–111; Полоцкая Э. А. Письма драматурга (О внутренних истоках чеховской драмы) // Динамическая поэтика. От замысла к воплощению. М.: Наука, 1990. С. 192–220.

**** Громов М. П. А. П. Чехов в переписке с современниками // Переписка А. П. Чехова в двух томах. М.: Худ. лит-ра, 1984. С. 6.

***** См.: Захарова Е. М. Чехов в переписке с переводчиками // Литературное наследство. Т. 100: В трех книгах. Книга 3. М.: ИМЛИ РАН, 2005. С. 292.

В начале XXI столетия стал очевиден живой интерес исследователей к эпистолярную Чехова, как и в начале века*. Сам собой возникал вопрос, почему и когда именно чеховские письма становились и становятся объектом повышенного внимания... Особенно со стороны молодых исследователей.

Конечно, каждое время читает по-своему «почтовую прозу» Чехова, о которой точно было сказано, что это «одно большое совокупное письмо, отправленное в будущее»**. Востребовано ли оно нынешним «адресатом», пользующимся электронной почтой и живущим другими ценностями? А если он прочтет, то согласится ли с читателем минувшего столетия, что письма Чехова «можно перечитывать снова и снова, и это — захватывающее чтение. <...> В них — история жизни. <...> Содержательность и душевное тепло чеховских писем напоминают о высокой ценности человеческой жизни. Не поддаваться судьбе, не растворять себя в будничном течении дел и забот <...> чем бы ни занимался человек и что бы он ни создавал он, он создает свою судьбу и самого себя»***.

Или со словами одного из читателей второго десятилетия XXI века, что «будущее у России еще есть, пока не забыт Чехов и пока существуют его письма — доступные всем уроки ума и человечности»****. Оценит ли признание: «Я верю в судьбу; верю, что два тома чеховских писем были выданы мне в детстве на вырост. Эти письма меня воспитали — в самом серьезном смысле этого слова, потому что в них, адресованных самым разным людям, я находила поразительные рассуждения о нравственности, о судопроизводстве, о медицине, литературе, театре и людях...»*****.

XX век иногда называли «веком Чехова». В культурное сознание вошли образы чеховских героев. Возникли понятия: «чеховская интеллигенция», «чеховское настроение», «чеховский человек»^{6*}. Для не-

* См.: Бушканец Л. Е. Письма А. П. Чехова в общественном сознании начала XX века // Чеховиана. Из века XX в XXI. Итоги и ожидания. М.: Наука, 2007. С. 189–205; Кубасов А. В. Особенности функционирования «семейного словаря» в творчестве Чехова // От текста к контексту. Сб. ст. Вып. 9. Ишим, 2010. С. 14–18; Петухова Е. Н. О языковой личности молодого Чехова: на материале эпистолярного жанра // Чеховиана. Чехов: Взгляд из XXI века. М.: Наука, 2011. С. 123–133.

** Лакшин В. Пять великих имен. М.: Современник, 1988. С. 414.

*** Громов М. Книга о Чехове. М.: Современник, 1989. С. 324, 368.

**** См.: Невзглядова Е. Письма Чехова // Звезда. 2016. № 7. С. 241.

***** Рубина Д. О Чехове // Чеховиана. Чехов: Взгляд из XXI века. М.: Наука, 2011. С. 42.

^{6*} См.: Сухих И. Н. Чехов (1960–2010): Новые опыты чтения // А. П. Чехов: pro et contra, антология. Т. 3. СПб.: РХГА, 2016. С. 7–24.

которых зарубежных деятелей культуры и сегодня «чеховская душа России — это душа мира в его становлении, хотя мы <...> живем скорее в мире, не имеющем души»*.

Но уже прозвучали призывы дать «отдохнуть» мировому театру от драматургии Чехова, а Чехову от чеховедения, потому что, как пишет один из исследователей, «от тесного и частого общения “рождается пресыщение”, как говорят англичане. Очередное чтение “Дамы с собачкой” или просмотр десятой за один год и в одном городе постановки “Дяди Вани” притупляет наши чувства. <...> В чем же решение этой проблемы? Заманчиво, но нереально было бы запретить любую публикацию, чтение, даже упоминание Чехова в следующие 20 лет, чтобы вновь воскресить свежесть восприятия. Более перспективно было бы искать сейчас новый материал»**.

Может быть, так проявляется по-своему протест против вызывающего «осовременивания» режиссерами чеховских пьес, когда в них почти ничего не остается от автора. Порою театр пренебрегает даже текстом, используя невербальные средства, прибегая к новым технологиям. Или сказалась, может быть, усталость от приспособления наследия Чехова к модным научным подходам, когда в терминологической чаще меркнет, как и на сцене, чеховский текст, а читатель теряет нить авторского рассуждения об этом тексте.

Но так высказывается, вероятно, и недовольство другой крайностью: вроде бы все на сцене, как в пьесе, но автора тоже нет. И опять вспыхивает разговор о некоей «чеховской мании» в мировом театре, о якобы исчерпанности драматургии Чехова, о том, что «фруктовый плод чеховских пьес уже отдал практически весь сок, который он мог дать». Правда, в финале автор этого утверждения оговаривается: «Может быть, этот парадокс относится не к самому Чехову, а к веку, в котором мы живем»***.

В дни памятных дат (2004 и 2010, 100-летие со дня смерти и 150-летие со дня рождения Чехова) появлялись в отечественной печати безоговорочные вердикты: будто миф давно подменил живой интерес к Чехову, художнику и человеку; будто бы пора признать, что это был посредственный писатель и заурядный человек****. Такого рода суждения высказывались еще при жизни Чехова и сразу после его кончины. Один

* *Страда В. и Кл. Россия Чехова и «душа мира» // Чеховиана. Из века XX в XXI. Итоги и ожидания. М.: Наука, 2007. С. 29.*

** *Рейфилд Д. Что еще мы можем сказать о Чехове? Там же. С. 31–32.*

*** *Фридман Дж. Довольно Чехова! // Чеховский вестник. № 11. М.: Скорпион, 2002. С. 44.*

**** См. об этом: *Кузичева А. П. Ах, юбилей, юбилей...! Или 150 лет Чехову // Люди и судьбы. XX век. Книга очерков. Вып. 4. М.: ГИИ, 2013. С. 34–60.*

из современников Чехова предлагал окружить память о нем «нежным любовным молчанием» и «отодвинуть Чехова в прошлое», «сделать его дорогим прошлым, но прошлым, и двинуться от него прочь, дальше — вперед»*.

Оценивая разноголосицу мнений о Чехове, современный исследователь пришел к выводу: «В кругу писателей (и еще в большей мере поэтов) репутация Чехова в XX в. была и поныне остается весьма неоднозначной. <...> Полемика с Чеховым, порой весьма острая, имела место на протяжении всего истекшего столетия. В ней еще предстоит разобраться. Непредвзято, спокойно, неспешно. <...> Думается, что дальнейшее изучение исполненной глубокого драматизма репутации Чехова поможет яснее понять не только историю литературы и театра близких нам эпох, но и русскую жизнь XX в. как таковую: в ее многогранности и противоречивости, в ее несовместимостях, в ее связях как с “золотым (пушкинским) веком”, так и во многом ином направленным “веком серебряным”»**.

Обильная публикация в конце XX века творческого наследия литераторов предыдущего «рубежа» (XIX–XX вв.), особенности литературы той поры обострили вопрос о «несовместимостях»***.

Особенно будет нужна непредубежденность при оценке восприятия Чехова в первые два десятилетия нынешнего века. Категоричность приговоров относительно актуальности творческого наследия Чехова, самой личности писателя поразительны. Удивителен тон как «обвинителей», так и «защитников» Чехова. Одни читают и цитируют его письма в духе априорной нетерпимости. Другие, превознося Чехова, жонглируя строчками из чеховских писем, доводят былые восторженные трафареты до пошлости и вульгарности.

Использование при этом набора ставших расхожими цитат из писем Чехова, тенденциозное толкование некоторых из них, — одна из примет «античеховианы».

Среди самых цитируемых — цитата из письма Чехова к А. С. Суворину от 7 января 1889 года: «Напишите-ка рассказ о том, как молодой человек, сын крепостного, бывший лавочник, певчий, гимназист и студент, воспитанный на чинопочитании, целовании поповских рук, поклонении чужим мыслям, благодаривший за каждый кусок хлеба, много

* Мережковский Д. Брат человеческий // Чеховский юбилейный сборник. М., 1910. С. 208–209.

** Хализев В. Е. Чехов в XX веке: contra et pro // Чеховиана. Чехов: Взгляд из XXI века. М.: Наука, 2011. С. 12, 17, 20.

*** См.: Чеховиана. Чехов и «серебряный век». М.: Наука, 1996; Лосев Л. Нелюбовь Ахматовой к Чехову // Звезда (СПб.). 2002. № 7. С. 210–215; Кушнер А. Почему они не любили Чехова? // Звезда (СПб.). 2002. № 11. С. 193–196.

раз сеченный, ходивший по урокам без калош, дравшийся, мучивший животных, любивший обедать у богатых родственников, лицемеривший и богу и людям без всякой надобности, только из сознания своего ничтожества, — напишите, как этот молодой человек выдавливают из себя по каплям раба и как он, проснувшись в одно прекрасное утро, чувствует, что в его жилах течет уже не рабская кровь, а настоящая человеческая...» (П 3, 133).

Абсолютизируя предлагаемый Чеховым замысел как исключительно автобиографическое признание, не придавая значения словам — «Напишите-ка рассказ...», не продолжая размышление о судьбе «молодого человека», как он «выдавливал» из себя раба, множество людей, цитирующих фрагмент письма (с той или иной степенью соответствия первоисточнику), адресуют это высказывание исключительно тому, в ком видят «раба» (человеку, группе, поколению), но никак не себе.

Прозвучало ли когда-либо чье-либо признание, как он или она, воспитанные на рабском мироощущении и рабском мировоззрении, обретали и обрели то самое *чувство личной свободы*, о котором Чехов написал в этом же письме, что оно стало «разгораться» в нем только недавно, и которое он считал необходимым условием творчества, помимо «изобилия материала и таланта».

Чтение писем Чехова играет в изучении того, как оно «разгоралось», какова была его природа, как это чувство автора было связано с чувствами его героев, которые либо не знали такового совсем, либо оно в них угасало, так и не разгоревшись в полную силу, — такое чтение эпистолярия самого Чехова и его переписки, особенно с родными братьями, прошедшими в детстве ту же «выучку», играет огромную роль.

Но здесь, кроме точности, непредвзятости и неспешности, нужна *справедливость*, о которой Чехов говорил, что она главное, «а остальное всё приложится» (П 4, 140), что для объективного писателя она «нужнее воздуха» (П 4, 273). Цитируя письма Чехова, всегда ли удастся избежать крайностей, несправедливости? Например, в трактовке еще одной популярной цитаты, бытующей в интернете, кочующей по публикациям, часто без комментария, без понимания ее эпистолярного и художественного контекста.

Речь идет о ставшей тоже расхожей гневной тираде Чехова из письма доктору И. И. Орлову от 22 февраля 1899 года: «Я не верю в нашу интеллигенцию, лицемерную, фальшивую, истеричную, невоспитанную, ленивую, не верю даже тогда, когда она страдает и жалуется, ибо ее притеснители выходят из ее же недр. Я верую в отдельных людей, я вижу спасение в отдельных личностях, разбросанных по всей

России там и сям — интеллигенты они или мужики, — в них сила, хотя их и мало» (П 8, 101).

Эти слова охотно используют как жупел против интеллигенции, не уточняя, о чем и о ком говорит Чехов, о какой интеллигенции и о каких «отдельных людях». Тогда как контекст объясняет, кого и что имел в виду Чехов.

Разговор в письме начался с его отзыва о ялтинских обывателях: «В самом деле, Ялта зимой — это марка, которую не всякий выдержит. Скука, сплетня, интриги и самая бесстыдная клевета. Альтшуллеру (ялтинский врач. — А. К.) приходится кисло на первых порах, многоуважаемые товарищи сплетничают про него неистово».

«Товарищи» — это ялтинские врачи, образованные коллеги, университетские люди. С некоторыми из них могло случиться или уже случилось то, о чем Чехов писал дальше в этом письме: «Пока это еще студенты и курсистки — это честный, хороший народ, это надежда наша, это будущее России, но стоит только студентам и курсисткам выйти самостоятельно на дорогу, стать взрослыми, как и надежда наша и будущее России обращается в дым, и остаются на фильтре одни доктора-дачевладельцы, несытые чиновники, ворующие инженеры».

За 15 лет до этого, в январе 1884 года, рассказывая в очередном фельетоне «Осколки московской жизни», как студенты праздновали «Татьянин день», автор, сам еще студент-медик, описал увиденное в ресторане «Эрмитаж»: «В уста льются спиртуозы, а из уст выливаются словеса и... какие словеса! <...> Говорят о долге, чести, науке, светлом будущем... <...> Да и, глядя на говоривших и слушавших, трудно допустить, чтобы из этой хорошей, молодой толпы могло выйти что-нибудь недоброкачественное... А между тем... щедринские Дыба и Удав (сатирические образы крупных чиновников-бюрократов из произведений Салтыкова-Щедрина «За рубежом», «Письма к тетеньке» и др. — А. К.) кончили курс в университете» (16, 75).

Среди героев чеховских повестей и рассказов 1890-х годов есть такие образованные, «отфильтрованные» прожитыми годами люди. Один из них — «известный адвокат Лысевич. <...> Он сыт, чрезвычайно здоров и богат. <...> Во всё то, что ему приходится говорить на суде, он давно уже не верит или, быть может, и верит, но не придает этому никакой цены» («Бабье царство»).

Это и университетский человек, Алексей Лаптев, поддающийся «обаянию» цифры в шесть миллионов (доход с торговли в «амбаре» отца), уверенный в том, что «миллионы и дело, к которому у него не лежала душа, испортят ему жизнь и окончательно сделают из него раба <...> но что же мешает ему бросить и миллионы, и дело, и уйти из этого садика и двора, которые были ненавистны ему еще с детства?» («Три года»).

Это владелец имения и богатого городского дома с дорогими коврами, картинами, бронзой инженер Должиков, любивший вспоминать и подчеркивать, что он внук ямщика, что в юности был два года машинистом, но «забывший», как и его дочь, что «деньги, на которые была куплена Дубечня, были приобретены путем целого ряда наглых, бессовестных обманов» («Моя жизнь»).

Как раз зимой 1899 года, когда Чехов писал Орлову, он уже обдумывал замысел будущей пьесы «Три сестры», среди героев которой тоже есть «университетский человек» Андрей Прозоров, мечтавший о кафедре, о карьере ученого, а кончивший карточными долгами, заложенным домом, вином. Словом, «ошалатился», как и Лебедев, один из героев пьесы «Иванов».

В преддверии юбилейного 2010 года петербургский журнал обратился к литераторам с вопросом: «С чем сегодня ассоциируются слова “чеховская интеллигенция” — с душевной чистотой, с безволием, с идейной деградацией?» Ответы были самые разные. В том числе, что это словосочетание почти исчезло, как и обозначаемое им социально-психологическое явление. Или что «чеховская интеллигенция» — это из того лучшего, что было в российской истории.

Был еще один ответ: «Нет, не было и не будет никакой “чеховской интеллигенции”. Были, есть и будут персонажи Чехова, которые продолжают жизнь в любом времени»*. Он созвучен словам Чехова об «отдельных людях».

Задолго до февральского письма об интеллигенции появились и множились в письмах Чехова летучие зарисовки, мгновенные словесные портреты «отдельных людей» из разных сословий (адвокаты, актеры, помещики, земские учителя и врачи, подрядчики, фельдшерицы, купцы, мужики), которых, видимо, в том числе Чехов имел в виду, когда писал: «Несть праведен пророк в отечестве своем; и отдельные личности, о которых я говорю, играют незаметную роль в обществе, они не доминируют, но работа их видна; что бы там ни было, наука все подвигается вперед и вперед, общественное самосознание нарастает, нравственные вопросы начинают приобретать беспокойный характер и т.д., и т.д. — и всё это делается помимо прокуроров, инженеров, гувернеров, помимо интеллигенции en masse (в целом (фр.). — А. К.) и несмотря ни на что» (П 8, 101).

Еще при жизни Чехова некоторые критики переводили разговор об отношении автора к изображаемой им жизни, к героям своей повести или драмы на личность самого Чехова.

* К 150-летию со дня рождения А. П. Чехова. *Басинский Павел*, критик // Нева. 2009. № 12. С. 186.

Публикация чеховских писем почти сразу превратила этот разговор в феномен русской художественной и общественной жизни. Непростой, неоднозначный, меняющийся вместе со временем. Споры *вокруг личности Чехова* уже имеют свою историю, приметы, моменты обострения и временного затишья.

Проще всего отнести «усталость от Чехова», резкое неприятие его личности или творчества некоторыми современными литераторами, режиссерами, исследователями — к нравам сегодняшней эпохи, успокоиться на резонном предположении, что под разочарованием в Чехове, отрицанием его роли и места в мировом искусстве скрывается порой собственная творческая тривиальность или человеческое банкротство. Но всё не так просто.

«Развенчание» Чехова в глазах читателя, как и «отлучение» от отечественной литературы, от сегодняшнего времени, а его драматургии от театра, началось еще при жизни писателя и не однажды случилось в минувшем столетии. Недаром о судьбе «театра Чехова» было прощательно сказано, что ему выпадало и будет выпадать «немало испытаний: непониманием, несовпадением драмы и сцены, отчуждением и безмерной любовью»*. Это наблюдение справедливо по отношению не только к сценической судьбе чеховской драматургии, но и ко всему его наследию.

Один из современников писателя считал, что «Чехов станет ненужным, когда станет ненужным искусство. Но едва ли это время наступит когда-нибудь»**. Однако оно наступало для кого-то, хотя в это же время для других читателей именно Чехов становился самым нужным, близким собеседником. Чье-то искреннее восхищение и благоговение перед Чеховым, перед его письмами, написанными, как и у Пушкина, «щедро и виртуозно», уходило. Приходило «не отрезвление, но некоторое сомнение в этом “культе личности”», желание «задуматься пусть не над правотой тех, кто Чехова не принимает, а над разломами русской литературы и русской жизни», а Чехов уже воспринимался как художник, принадлежащий «своему времени» и обреченный «в нем остаться»***.

Феномен Чехова, диалог с Чеховым, присутствие Чехова в сознании данной эпохи никогда не исчезали совсем, но иногда проявлялись особенно зримо и остро, порою резко, иногда странно, почти всегда симптоматично.

* Шах-Азизова Т. Полвека в театре Чехова. 1960–2010. М.: Прогресс-Традиция, 2011. С. 290.

** Философов Д. Театральные заметки // Мир искусства. 1902. № 11. С. 46–51.

*** См.: Варламов А. Русский разлом // Дружба народов. 2010. № 1. С. 198–200.

Это случалось и случается, как правило, во времена переоценки духовных ценностей, радикальных перемен в обществе и в искусстве. Отношение к Чехову становится в такие эпохи моментом самопознания, самосознания как для тех, кто «устал» от Чехова, так и для тех, кто в наследии Чехова ищет поддержку, ответа на свои вопросы*.

В юбилейные дни 2010 года об этом говорили театральные режиссеры, собравшиеся в Москве на международную конференцию. По утверждению одного из них, к Чехову обращаются для того, чтобы понять, «кто мы, зачем, почему, откуда вышли и сделать какую-то отчаянную попытку предположить, куда идем»**.

Его коллега высказал надежду, что «в наш виртуальный век, когда индивидуализму поклоняются, как богу, и новые блага помогают нам отдаляться друг от друга, а виртуальная вселенная Интернета провоцирует развитие одержимости самим собой вместо живых личных контактов с другими людьми, Чехов своим необыкновенным вниманием и присутствием в настоящей жизни помогает нам понять, что, возможно, великая духовность заключается именно в том, чтобы видеть себя и других людей такими, какие мы есть. И в результате, и с Божьей помощью, быть добрыми друг к другу»***.

Эта надежда, которой делились и другие участники Международного театрального фестиваля им. А. П. Чехова, очевидное внимание режиссеров к биографии писателя, к его письмам, желание вновь обратиться к творчеству Чехову — не дань юбилейной дате. Это один из признаков современного восприятия Чехова. Особенно его писем.

После первого «быстрого чтения» этих писем современниками Чехова в начале XX века, пристального научного изучения в конце прошлого столетия, вероятно, пришло время «медленного чтения» чеховских писем. Почему? Потому, как полагал еще один участник театральной конференции, что «Чехов — сама жизнь, а жизнь — это и есть Чехов. Познать Чехова — значит познать жизнь». Но тут же уверял, что «это невозможное и бессмысленное дело»****. Однако не скрывал, что есть одна тайна Чехова, «которую мы познавали и будем познавать»: это взгляд Чехова на *смерть*.

Но тайна и взгляд Чехова на *жизнь*. Загадка, о чем он думал, как чувствовал себя, когда работал. «Внешняя» и «внутренняя» биография

* См. об этом: Кузичева А. П. А. П. Чехов и «нервный век» // Люди и судьбы. XX век. Книга очерков. Вып. 3. М.: URSS, 2009. С. 5–38.

** Шапиро А. «Амаркорд» нашей культуры // Слово о Чехове. Международная конференция. М., 2010. С. 61.

*** Доннеллан Д. У британцев был и продолжается бурный роман с Чеховым // Там же. С. 13.

**** Туминас Р. Доктор для всех нас // Там же. С. 25.

Чехова, подтекст писем влекли не только исследователей его жизни и творчества*.

Кажется, впервые за все время, прошедшее со дня смерти Чехова, тайна его ума и души так очевидно влечет к себе многих, судя даже по приведенным признаниям. Хотя по-прежнему мнится, что «все тексты Антона Павловича Чехова после того, как он перестал быть Антошей Чехонте, — сакральны, закодированы»**, что существует «тайна» Чехова и что «мы видим только какие-то отрывки, какие-то кусочки этой Тайны»***.

Однако в приведенных суждениях и признаниях явственна попытка приблизиться к ней, уловить ее присутствие в сочинениях и письмах Чехова. И это, как и в прежние времена, связано с настроением эпохи, с мироощущением и самочувствием современников.

* * *

В связи с этим достоин особого внимания давний вопрос о том, зашифрована ли биография Чехова в его сочинениях и письмах? Можно ли разгадать в них те знаки, которыми он, если не открывает, то вольно или невольно обнаруживает глубинные процессы своего сознания и своей душевной жизни?

Биографы выяснили к настоящему времени по письмам и переписке писателя, по дневникам, письмам и воспоминаниям его современников многие житейские привычки Чехова, в том числе «эпистолярные» (например, писать письма сразу набело, часто не ставя дату; непременно отвечать на письма; хранить их).

Изучены нормы и правила его поведения в быту, во взаимоотношениях с людьми. Кому-то сегодня даже кажется, что слишком пристальное внимание к жизни Чехова повредило целостному восприятию его личности, его судьбы.

Так ли это, если явно недостаточно изучены и не сведены воедино важнейшие аспекты проблемы *автобиографизма* сочинений и писем Чехова: 1) отражение в них фактов, реалий, событий всей жизни самого Чехова; 2) природа и проявление автобиографофобии Чехова (II 8, 284); 3) прототипический мир в художественном и эпистоляр-

* См.: Кубасов А. В. Внутренняя биография писателя и средства ее создания в творчестве А. П. Чехова // Практики и Интерпретации: журнал филологических, образовательных и культурных исследований. 2018. Т. 3 (1). С. 72–81.

** Гасанов В. Сакральные тексты. Слово о Чехове... С. 57.

*** Стуруа Р. Чеховские пьесы ставить практически невозможно. Там же. С. 21.

ном наследии писателя (истоки, взаимосвязи, средства воплощения); 4) автоцитация; 5) приемы умолчания и самоидентификации: *я и мы**, *я и другой, я не...*) и др.

Сегодняшний интерес к «тайне Чехова» — свидетельство того, что ни одна его биография, ни все они, вместе взятые, отечественные и зарубежные, не смогли и, наверно, не смогут никогда исчерпать глубин его цельной личности: открытой и неуловимой; понятной и загадочной; обыкновенной и необыкновенной.

«Медленное чтение» чеховских писем останавливает внимание на том, что замечается не сразу. Например, пристрастие к некоторым словам, которые можно назвать в одних случаях *словами-симптомами*, в других — *словами-индикаторами* (*пустяки, это к слову, как бы там ни было*). Одно из них — *впрочем*: «Впрочем, плюнем на всё это и будем петь из другой оперы»; «Впрочем, как хотите»; «Впрочем, поживем-увидим»; «Впрочем, Божья воля»; «Впрочем, всё это — суета сует»; «Впрочем, всё это пустяки»; «Впрочем, всё это мечты, мечты!»; «А впрочем, Богу это известно». Это слово — будто скрытый вздох сожаления о том, что не случилось, не произошло, с чем приходится смириться как с неизбежным. Однажды Чехов сказал о себе: «Я фаталист, что, впрочем, глупо» (П 4, 17).

Беседа или признание, готовое сорваться с губ, иногда прерываются этим словом, как, например, в письме к В. С. Миролубову: «Нужно верить в бога, а если веры нет, то не занимать ее места шумихой, а искать, искать, искать одиноко, один на один со своею совестью... Впрочем, будьте здоровы! Если приедете, то черкните» (П 10, 142).

Письмо прервано, кажется, на самом интересном месте. Тем самым Чехов невольно побуждает читателя письма думать, предполагать, догадываться, что же осталось недосказанным, или продолжить разговор уже с самим собой.

Получив в январе 1898 года в Ницце поздравительное письмо от сестры, Чехов начал ответное письмо с благодарности и с признания, требующего особого внимания: «Мне стукнуло уже 38 лет; это немножко много, хотя, впрочем, у меня такое чувство, как будто я прожил уже 89 лет» (П 7, 152).

В этот день, 16 (28) января, Чехов участвовал в похоронах доктора Любимова на русском кладбище в Ницце, о чем рассказал в письме, посланном через десять дней А. С. Суворину: «Нового ничего нет, или, впрочем, одна новость, которую Вы уже знаете: умер д-р Любимов. Умирать ему очень не хотелось. Причина смерти — кажется, новообразование в легких (рак или саркома), вообще история темная. Осталось

* См.: Катаев В. Б. «Все мы» Чехова и «мы» Евгения Замятина // Чеховиана. Чехов в культуре XX века. М.: Наука, 1993. С. 69–75.

после него 250 тыс. рублей. Я был на похоронах. Здешнее русское кладбище великолепно. Уютно, зелено и море видно; пахнет славно» (П 7, 160–161).

Упоминание печального события не среди *прочих* новостей, а как главного в обыденном *прочем*, не подчеркивало, но невольно обращало внимание на случившееся. И выдавало глубинное настроение Чехова во время похорон, пришедшихся на канун его дня рождения. Он навещал потом эту могилу вблизи кладбищенской православной часовни во имя Святителя Николая Чудотворца, откуда, с высокого холма, было видно море.

Картина кладбища, запечатленная в письме одной строкой, вобравшей скрытое душевное состояние Чехова, осталась в его памяти. Судя по сходству деталей, по глубинному смыслу, однострочное описание вскоре развернулось в рассказе «Дама с собачкой»: «В Ореанде сидели на скамье, недалеко от церкви, смотрели вниз и молчали. <...> Листва не шевелилась на деревьях <...> и однообразный, глухой шум моря, доносившийся снизу, говорил о покое, о вечном сне, какой ожидает нас. Так шумело внизу, когда еще тут не было ни Ялты, ни Ореанды, теперь шумит и будет шуметь так же равнодушно и глухо, когда нас не будет. И в этом постоянстве, в полном равнодушии к жизни и смерти каждого из нас кроется, быть может, залог нашего вечного спасения, непрерывного движения жизни на земле, непрерывного совершенства» (10, 133). Письма Чехова, их «эхо» в сочинениях — это своеобразная система «зеркал», уникальный источник для исследования памяти Чехова, того «фильтра», о котором он говорил.

В одном из первых писем к сестре из Ялты в сентябре 1898 года Чехов, чередуя просьбы и сообщения, по привычке добавляя обязательное — «Нового ничего нет. Всё благополучно. Я здоров» — вдруг неожиданно продолжил: «В Севастополе в лунную ночь я ездил в Георгиевский монастырь и смотрел вниз с горы на море; а на горе кладбище с белыми крестами. Было фантастично. И около келий глухо рыдала какая-то женщина, пришедшая на свидание, и говорила монаху умоляющим голосом: “Если ты меня любишь, то уйди”» (П 7, 276).

Трагический, «фантастический» сюжет, занявший шесть строчек внутри делового письма, сцена свидания в виду моря, белых крестов, кладбища на горе, тоже свидетельство одновременного сосуществования в сознании Чехова в этот момент течения обыденной реальной жизни и скрытого течения его воображения, имеющего отношение к замыслу рассказа «Дама с собачкой» или какого-то рассказа, оставшегося только в его сознании, среди множества других замыслов.

При «медленном чтении» писем Чехова, при соотнесении их с записными книжками и дневниковыми записями возникает свод таких

неосуществленных или преображенных замыслов. При таком чтении приоткрывается не просто «внутренняя биография» Чехова, его душевное состояние, в том числе его суждения, мнения, но и глубинное течение его мыслей и чувств.

Слова *серьезно, необходимо, раз навсегда* в письмах Чехова, иногда подчеркнутые им самим, как невольный сигнал, что речь идет о важном, даже трагическом, но Чехов не обременяет адресата своими переживаниями. Так, в 1889 году он писал доброму знакомому: «Мой брат-художник болен серьезно. Мой горизонт заволочен очень нехорошими тучами» (П 3, 192).

Чехов мог бы написать, что дни брата сочтены, рассказать о том, как всем, а ему особенно, тяжело, потому что уход за умирающим он взял на себя. Однако он не допустил даже тени жалобы, ибо смерть — это серьезно, а о серьезном, как считал Чехов, «нужно говорить серьезно». Но можно ли высказать в письме то, что непередаваемо словами? И, может быть, поэтому слово *необходимо* иногда кажется особой точкой: «Для меня это необходимо»; «Удрать из Москвы мне необходимо»; «Это необходимо». За ним угадывалось не просто нечто невысказанное, а скрытое. Почему необходимо? Зачем Чехов сам невольно привлекал внимание к сокровитному, но останавливался?

Есть в письмах слова-симптомы, выдающие нетерпение, недовольство Чехова самим собой, кем-то, чем-то. Это слова: *чепуха, вздор, глупо, скучно, путаница*. Казалось бы, в письме к А. С. Суворину от 16 октября 1891 года Чехов перечислил причины своего раздраженного состояния. Но чего-то главного не сказал, что ощущается в словах: «Всё у меня не удастся, глупо валится из рук. <...> Какая-то чепуха, а не жизнь» (П 4, 284). Такое настроение он сам называл «психопатическим» или «неврозом». Избегал работать в таком настроении, потому что, по его словам, «ужасно, когда скучно писать». Иногда оно чуть-чуть приоткрывалось в других письмах, отосланных в эти дни, однако, чаще всего так и оставалось невысказанным, но все-таки не ускользающим при «медленном чтении».

Глубинное душевное состояние Чехова выдают в его письмах неожиданные *перебивы, отступления и послесловия*. По ним можно догадаться, что мысли его заняты чем-то другим. Письмо к А. С. Суворину от 6 февраля 1889 года он закончил, на первый взгляд, странно: «Пишу это письмо в то время, когда в Питере идет второе действие моего “Иванова”. Ну, будьте здоровы и веселы. Ваш А. Чехов». Но несколькими строчками выше он уже высказался об откликах рецензентов на постановку его пьесы в Александринском театре: «Как, однако, мелкая пресса треплет моего “Иванова”!» (П 3, 145). То и другое замечание обнаруживают подтекст письма, самочувствие автора, которое он не смог

или не захотел скрыть. В одном из поздних ялтинских писем Чехов также неожиданно сообщил адресату, какое по счету представление «Чайки» идет в этот день в МХТ.

Осенью 1888 года Чехов был выбит из колеи присуждением Пушкинской премии, окончанием работы над нелегким рассказом «Именины», напряженной работой над рассказом «Припадок», поздравлениями. И вдруг в одном из писем — вроде бы шутливые строки: «В моей печке воет жалобно ветер. Что-то он, подлец, говорит, но что — не пойму никак» (П 3, 21). На следующий день в письме к другому адресату Чехов писал: «Я в плохом настроении: у меня кровохарканье. Вероятно, пустяки, но все-таки неприятно» (П 3, 22). Может быть, кровь показалась раньше, чем Чехов признался, и «жалобный ветер» — скрытое обозначение недуга и душевного состояния.

Таким образом, нечто важное тем не менее проступает в чеховских письмах, если читать их так, как читали И. А. Бунин, С. В. Рахманинов: письмо за письмом, том за томом, как одно большое повествование, как историю взыскующего ума и потаенной души, историю *самостояния* Чехова, как необыкновенный дневник.

Перебивы и отступления порой привносят в письмо образ, который по-своему передает подспудное настроение Чехова. Письмо к А. С. Суворину от 27 октября 1889 года, которое он сам назвал «воплем», кончалось вопросом: «У меня в комнате летает комар. Откуда он взялся?» (П 3, 48). Неожиданное упоминание зудящего кровососа будто олицетворяет неотвязные мысли, которыми Чехов поделился в этом письме, размышлением, кто он: «...дурак и самонадеянный человек или же в самом деле я организм, способный быть хорошим писателем; всё, что теперь пишется, не нравится мне и нагоняет скуку, всё же, что сидит у меня в голове, интересуется меня, трогает и волнует — и из этого я вывожу, что все делают не то, что нужно, а я один только знаю секрет, как надо делать. Вероятнее всего, что все пишущие так думают. Впрочем, сам чёрт сломает шею в этих вопросах...» (П 3, 47–48).

Еще одно подобное уподобление творчества мелькнет в письме к приятелю-драматургу: «Театр — это змея, сосущая Вашу кровь» (П 3, 94). Спустя годы оно прозвучит в словах Треплева в пьесе «Чайка» о писательском самолюбии, сосущем кровь как змея...

Иногда *перебивы* похожи на *ремарки*, восстанавливающие в двух-трех словах мизансцены «эпистолярного действия» в, условно говоря, *письме-драме*: «Идет дождь. Вечер. Только что поужинали»; «...надо зажечь свечу. Зажег»; «Утро. Пароход свистит»; «Слышно, как на военном фрегате играет музыка. Жарко писать. Сейчас завтрак». Некоторые такие ремарки — не просто передают то, что он слышал или слышит,

видел или видит, но то, что томило его в данное время, скрытый психологический подтекст его жизни: сочинительство ради денег, несвобода от семьи, одиночество, трудная работа над новым сочинением: «Странно, скворцы улетели»; «Идет снег. Прилетели грачи и улетели»; «Видел скворцов, которые летели к нам в Мелихово».

Письма Чехова позволяют глубже осознать природу его драматургического таланта, особенности монологов в чеховских пьесах, мерцание замыслов пьес и образов героев, эхо житейских отношений, наблюдений, переживаний. Пласт реалий, косвенного или скрытого присутствия современников, чья тень угадывается в пьесах, до сих пор в своей значительной части остается неразгаданным, нерасшифрованным.

Чехов часто воображал в письмах чью-то судьбу как возможный сюжет. И он сбывался. Однажды в 1889 году пошутил, что с удовольствием поселился бы в имении в Крыму «с какою-нибудь актрисочкой» (П 3, 279). Иногда реальное событие превращалось в письме в водевиль со всеми жанровыми приметам. Порою Чехов *сюжетно* описывал свои визиты, разговоры, себя самого как комического персонажа. Часто режиссировал описываемую ситуацию по драматургическим законам.

Работая над «Вишневым садом», Чехов уточнял в одном из писем, что в первом акте «в окна видны цветущие вишни, сплошной белый сад. И дамы в белых платьях» (П 11, 142). В этот момент — он смотрел в окно ялтинского кабинета: «Идет снег». И сразу — будто упал на страницу тоже белый, но холодный отсвет, символ трагической участи сада, дома и его обитателей. Фонетическая, интонационная, психологическая и смысловая особенность эпистолярных ремарок в чеховских письмах по-настоящему не изучена до сих пор. Как и в целом звукопись, музыкальность писем Чехова, значение и звучание некоторых слов, сочетаний (например, слова *жаль*).

Между тем часто одна строка или отдельное слово интонировали все письмо. Весной 1895 года он писал Н. А. Лейкину о домашних новостях, хозяйственных делах. И ни слова о своем настроении. Но в конце два коротких предложения: «Вчера видел журавлей. Бедняги летят, не смотря на холод» (П 6, 50). Они выдают его душевное состояние. Чехов, после многолетнего перерыва, писал в это время новую пьесу («Чайка»).

Мало исследован скрытый *ритм* жизни Чехова. Именно письма обнаруживают «тягчайшие» моменты: осень 1883 — декабрь 1884 — пора многочисленных выпускных университетских экзаменов, первое сильное легочное кровотечение; 1888–1889 годы — время одоления житейских бед и творческого кризиса, названного Чеховым *застоем*; 1890 год — поездка на Сахалин; 1893–1894 годы — послесахалинский «*решительный шаг*» в творчестве, вопреки всем правилам и канонам тогдашней прозы и драмы, рецептам критиков и ожиданиям публи-

ки; 1897 год — участие в переписи, опасное кровотечение, клиника; 1904 год — последние месяцы жизни*. Эти моменты — интереснейший аспект проблемы *эпистолярного автобиографизма*.

Он взаимосвязан с другим аспектом: *интонация* писем Чехова, ее доминанта, формы проявления в разные годы. Это позволит хотя бы отчасти понять то, что он называл «психо-органическими» свойствами своей личности, природу мироощущения человека, исповедовавшего с молодых лет то, о чем написал сестре в зрелые годы: «человек не может быть всю жизнь здоров и весел, его всегда ожидают потери, он не может уберечься от смерти <...> и надо быть ко всему готовым и ко всему относиться как к неизбежно необходимому, как это ни грустно. Надо только, по мере сил, исполнять свой долг — и больше ничего» (П 7, 327).

Письма позволяют осмыслить то, как назревали и разрешались житейские и творческие кризисы в жизни Чехова, что менялось в такие времена в письмах, как он отвечал на свои собственные главные вопросы: Кто он? Врач или литератор? Жить ему одному или с семьей? *Настоящий* он писатель или нет? Утратил или сохранил свое чутье художника к меняющейся жизни? И наконец, как в эти годы герои его произведений решали вопросы: Кто я? Зачем я? Слышится ли в этих размышлениях эхо раздумий автора?

* * *

Сопоставительный анализ писем Чехова и его сочинений обнаруживает своеобразный *автобиографический контрапункт*. Выявляет иногда очевидное, порой едва уловимое их психологическое созвучие или диссонансы.

19 февраля 1883 года в журнале «Осколки» появился короткий рассказ «Баран и барышня (эпизодик из жизни “милостивых государей”)». Служащий банка, сытый, скучающий, ищущий послеобеденного развлечения, разыгрывает просительницу, случайно, по ошибке, попавшую в его квартиру. Рассказ навеян житейскими наблюдениями Чехова. Но у сюжета есть автобиографическая подоплека и эпистолярный комментарий, передающий авторское чувство. Такая взаимосвязь характерна для многих ранних рассказов и писем Чехова.

В эти же февральские дни Чехов пишет письмо старшему брату. Большое и важное для них обоих. В серьезном разговоре он назвал «безобразием» склонность некоторых приятелей Александра и Николая

* См.: *Симкин Я.* Семь лет из жизни А. П. Чехова (1898–1904). Р/Д: Рост. кн. изд-во, 1987.

Чеховых к оскорбительным шуткам и унижительным розыгрышам. И зарекается от такого отношения к людям: «Хорош бы я был, если бы надел на Зембулатова (земляк и однокурсник Чехова по университету. — А. К.) дурацкий колпак за то, что он не знаком с Дарвином! <...> Мелочность! Невоспитанность какая-то... А как всё это отравляет жизнь!» (II 1, 59).

Герой рассказа «Тапер» (1885), привыкший к тыканьям, к тому, что для хозяевон всего лишь «прислуга... официант, умеющий играть», остро воспринял очередное унижение: «И, как нарочно, в голове самые что ни на есть подлые мысли... <...> Ехал в Москву за две тысячи верст, метил в композиторы и пианисты, а попал в таперы...» В горьком размышлении он думал об участии и своего приятеля, живущего скудным литературным заработком: «Вспомнился мне и ты... Думаю, сидит теперь мой сожитель и строчит... Описывает, бедняга, спящих гласных, булочных тараканов, осеннюю непогоду... описывает именно то, что давным-давно уже описано, изжевано и переварено... Думаю я и почему-то жалко мне тебя... до слез жалко! <...> Вспомнились все мои приятели-неудачники, все эти певцы, художники, любители... Всё это когда-то кипело, копошилось, парило в поднебесье, а теперь чёрт знает что!» (II 4, 207–208).

Автобиографический контекст этого рассказа не только в упоминании «изжеванных» тем, которых Чехов касался в те годы в своих фельетонах «Осколки московской жизни» и над которыми сам иронизировал. И не столько в уже обозначившейся судьбе его старших братьев, уезжавших десять лет назад из Таганрога в Москву с мечтами о блестящей будущности, но ныне неудачников, опустившихся и истрепавшихся в запоях, гульбищах, вранье и обманах. И не исключительно в узнаваемости персонажей из московского окружения Чехова в первой половине 1880-х годов, несостоявшихся поэтов, музыкантов, художников.

Этот контекст гораздо глубже и значительнее. Он всего лишь проступает в рассказе, а явлен в письмах Чехова тех лет и имеет отношение к самому автору невеселого рассказа.

Вскоре после публикации «Тапера» промелькнула в письме Чехова к В. В. Билибину от 1 февраля 1886 года сценка, словно продолжавшая рассказ: «Сейчас только вернулся от известного поэта Пальмина. Когда я прочел ему из Ваших писем относящиеся к нему строки, он сказал: “Я уважаю этого человека. Он очень талантлив!”

За сим Его Вдохновение подняли вверх самый длинный из своих пальцев и изволили прибавить (конечно, глубокомысленно): “Но «Осколки» развратят его!!” <...> Говорили мы долго и о многом» (II 1, 189). Предсказание оказалось пророческим. Лейкинские «Осколки» действительно «развратили» даровитого литератора.

Остерегая тогдашнего приятеля словами Пальмина, Чехов скрыто мог иметь в виду и себя самого, свое уже тягостное сотрудничество в журнале Н. А. Лейкина. Письма Чехова 1885–1886 годов пронизаны опасением за горькие судьбы старших братьев и тревожным чувством за свою участь, останься он в «Осколках» под дланью «хозяина», всячески удерживавшего талантливое молодое автора.

Эта тревога ощущалась в письмах Чехова задолго до того, как он в марте 1886 года получил известное письмо Д. В. Григоровича. В ответе Чехов прямо назвал свое, по его словам, легкомысленное, небрежное, зряшное отношение к литературной работе «тяжким грехом». Он обещал маститому писателю, а, по сути, самому себе, пусть не скоро, но избавиться от срочной «мелкой работы»: «Вся надежда на будущее. Мне еще только 26 лет. Может быть, успею что-нибудь сделать, хотя время бежит быстро» (П 1, 218–219).

Ощущение кратковременности срока, отпущенного ему на настоящее творчество, для которого Чехов, как признавался Григоровичу, берег и тщательно прятал в своей памяти образы и картины, проявилось не только в этом письме. Оно проступило в рассказе «Святою ночью», написанном в эти же весенние предпраздничные дни.

Монах, переправляющий на пароме паломника, спешащего в пасхальную ночь в монастырь, рассказывает о своем друге, иеромонахе Николае, скончавшемся накануне. Иероним безутешно скорбит о кончине человека, наделенного светлым умом, доброй и милостивой душой. А главное — талантом сочинять «стройно, кратко и обстоятельно».

В рассказе много автобиографического: любовь Чехова к пасхальной службе, к бархатному колокольному звону; интерес к монастырской жизни, к талантливым людям; знание Чеховым молитв и хвалебных церковных песнопений. Но житейские впечатления, собственные пристрастия, вымышленные обстоятельства и картины — всё восходит к редчайшему художественному феномену. А именно: к скрытому, точнее, *вещному автобиографизму*, когда художественными средствами переданы глубокие переживания самого автора или предсказаны грядущие события его жизни.

Смятенное состояние Чехова в это время, перелом в его судьбе и в творчестве, уже очевидная для него жизненная катастрофа старших братьев зашифрованы в художественных образах рассказа «Святою ночью».

Это разлившаяся река, через которую протянут паромный канат; звездное небо, отражающееся в воде; странный силуэт мужика, который не хочет ехать в монастырь, но просит поставить там за него свечку: «Этак любопытней будет, а я тут постою».

Это переправа героя на другой берег; пылающие около монастыря во тьме ночи смоляные бочки; фантастическая картина толпы около

монастырских стен, похожая на «заколдованное царство, полное удушье и дыма, трещавшего света и гама. <...> Изредка среди голов и лиц мелькали лошадиные морды, неподвижные, точно вылитые из красной меди».

Предчувствие Чеховым будущего, которое не обещало ни легкой участи в творчестве, ни продолжительного земного пути, таится в сравнении тихоходного паромы с виселицей. Оно ощущается в описании обратного пути паломника хмуром, туманным утром: «Звезды погасли, и небо представлялось серо-голубым, хмуром. <...> Лошади и люди казались утомленными, сонными, едва двигались, а от смоляных бочек оставались одни только кучки черного пепла. <...> Казалось, что даже колокола звонили не так громко и весело, как ночью» (5, 102).

Оно скрыто в финальном описании реки: «Над ней холмами то там, то сям носился легкий туман. От воды веяло холодом и суровостью. <...> Мы поплыли, беспокоя на пути лениво подымавшийся туман. Все молчали» (5, 102–103).

И наконец, в судьбе монаха, сочинителя акафистов, «не понятого и одинокого», рано умершего, «еще и сорока лет не было».

Но как в рассказе, так и в письмах весны 1886 года главное то, о чем монах, забыв про канат, увлеченно, с радостью, рассказывает случайному спутнику, оглядев его и точно убедившись, что ему «можно верить тайны». Рассказывает о таланте своего усопшего друга: «Чудо, господин, да и только! <...> Чудо! Истинно чудо! <...> Тут и мудростью, и святостью ничего не поделаешь, ежели Бог дара не дал. <...> Так надо писать, чтоб молящийся сердцем радовался и плакал, а умом содрогался и в трепет приходил. <...> Даст же Господь такую способность! Для краткости много слов и мыслей пригонит в одно слово и как это у него всё выходит плавно и обстоятельно! <...> И выразить вам не могу, как он писал!» (5, 96–99).

В нескольких письмах, отосланных Чеховым в самом конце марта-начале апреля 1886 года после получения письма Григоровича, в дни написания рассказа «Святою ночью», Чехов снова и снова возвращался в письмах к мыслям об ответственности человека перед своим талантом. Сначала в письме к брату Николаю, излагая кодекс подлинно воспитанных людей: «Если они имеют в себе талант, то уважают его. Они жертвуют для него покоем, женщинами, вином, суетой... Они горды своим талантом» (П 1, 224).

Затем в письме к брату Александру от 6 апреля советовал: «Помни каждую минуту, что твое перо, твой талант понадобятся тебе в будущем больше, чем теперь, не профанируй же их...» И заключил выдержкой из письма Григоровича, настаивавшего, сколь важно «уважение к таланту, который дается так редко...» (П 1, 230–231).

Наконец, в письме к дяде, М. Е. Чехову, от 11 апреля. Поздравляя его с Пасхой, Чехов привел еще одну выдержку из письма Григоровича, настаивавшего, чтобы молодой литератор подписывался не псевдонимом *Чехонте*, а настоящим именем *А. Чехов*, и уверявшего его: «...у Вас *настоящий* талант, талант, выдвигающий Вас далеко из круга литераторов нового поколения...» (П 1, 234).

Через два с половиной года Чехов, продолжая никогда не прерывавшийся в его письмах разговор о природе таланта, защитил сочинителя акафистов из рассказа «Святою ночью». Д. С. Мережковский в своей статье назвал монаха будто бы излюбленным Чеховым образом мечтателя-неудачника*.

Чехов тут же откликнулся и удивился в письме к Суворину от 2 ноября 1888 года: «Какой же он неудачник? Дай бог всякому так пожить: и в бога верил, и сыт был, и сочинять умел... Делить людей на удачников и неудачников — значит смотреть на человеческую природу с узкой, предвзятой точки зрения... Удачник Вы или нет? А я? А Наполеон? Ваш Василий (лакей Суворина. — *А. К.*)? Где тут критерий? Надо быть богом, чтобы уметь отличать удачников от неудачников и не ошибаться...» (П 3, 54–55).

Свой критерий Чехов назвал в этом письме, тем самым приоткрыв автобиографический подтекст рассказа: «в Бога (так в автографе. — *А. К.*) верил, и сыт был, и сочинять умел...»

Особенно интересен, глубок и важен автобиографический контрапункт и потаенный автобиографизм в сочинениях и письмах для понимания духовного напряжения Чехова в 1890-е годы, когда он писал повести «Черный монах», «Моя жизнь», «Три года». Так, признания в письмах 1894 года: «нет особенного желания жить»; «мечтаю о поездке в Испанию, в Египет или в Корфу, но мечты остаются мечтами и такими останутся, вероятно, до самой дохлой смерти» (П 5, 300) — отзываются в словах Лаптева: «У меня такое чувство, как будто жизнь наша уже кончилась <...> мне стало казаться, что у меня нет уже и будущего».

Трагическое чувство близкой смерти и безответной любви доминировало в письмах последних лет, у которых есть, кажется, незамеченная исследователями особенность. Душевная неточность, сквозящая в некоторых письмах О. Л. Книппер, порой их интонационная фальшь тончайшим образом, условно говоря, «отредактированы» ответами Чехова, которые становились смысловым и душевным *камертоном*

* Цит. по: Мережковский Д. С. Старый вопрос по поводу нового таланта // А. П. Чехов: pro et contra. Творчество А. П. Чехова в русской мысли конца XIX — начала XX в. (1887–1914). СПб.: РХГА, 2002. С. 71.

в переписке Чехова и Книппер. Эта *настройка* переписки с Книппер по-своему выявляет личность Чехова.

Единство художественной и «почтовой» прозы Чехова было подмечено еще современниками писателя, потом исследователями его жизни и творчества*. Но специального исследования этого феномена тоже нет до сих пор. Между тем, например, искусство детали в чеховских письмах, а не только в его сочинениях, заслуживает пристального внимания.

В 1895 году Чехов сообщил Е. М. Шавровой-Юст о судьбе ее рассказа в редакции журнала «Русская мысль», о встрече с В. А. Гольцевым, который взял рукопись, «положил в карман и обещал прочесть» (П 6, 110). Деталь — «положил в карман» — делает всю сцену живой, как говорил Чехов, «картинной», легко и сразу воображаемой. Описывая в 1899 году положение немущих чахоточных больных в Ялте, Чехов вдруг написал: «Самое ужасное — это одиночество и... плохие одеяла, которые не греют, а только возмущают брезгливое чувство» (П 8, 315).

Иногда детали, подмеченные Чеховым, выдают нечто характерное не только в наружности человека, но в самой его личности. В деталях проступало скрытое отношение Чехова к этому современнику: муаровая шелковая подкладка на отворотах сюртука Вл. И. Немировича-Данченко (П 9, 21); манера актера А. А. Санина «высоко, высоко» поднимать брови и носить с собой газетные вырезки с похвалами рецензентов в его адрес (П 9, 211).

Чехов детализировал в письмах облик персонажей «Вишневого сада»: произношение Шарлотты, широкий пояс у Вари, манера ходить у Лопухина, сапоги без каблуков у Симеонова-Пищика (П 11, 293–294). Это не просто подсказки актерам. Это взгляд художника. Один из современников, сочинявший водевили, запомнил его совет: «Нужно, чтобы каждый шаг и каждая фраза действующего лица подсказывали читателю грим, голос, манеру, прошлое, возможное будущее, костюм» (П 1, 309). Портретные зарисовки, которых достаёт в чеховских письмах, раскрывают этот художественный прием. Более того — так приоткрываются в письмах особенности ума, памяти, воображения и творческого процесса Чехова.

В письмах рассыпано множество сценок из жизни. В них переданы краски, звуки, движения, жесты. Особенно в письмах-путевых дневниках: в 1887 году, когда Чехов путешествовал по родным местам;

* См.: Чудаков А. П. Чехов. Единство видения: письма Чехова и его проза // Динамическая поэтика. От замысла к воплощению. М.: Наука, 1990, С. 220–244; Гитович И. «Неправдоподобно ранняя зрелость» молодого Чехова: биография и язык // Таганрогский вестник. Вып. 2. Материалы междун. научной конференции: Молодой Чехов: проблемы биографии, творчества, рецепции, изучения. Таганрог, 2004. С. 23–40.

в 1890 году, в письмах из Сибири; в 1891 году, когда он впервые поехал за границу.

Чехов жалел, что не умеет рисовать и не владеет ни одним музыкальным инструментом. Но он ощущал музыку архитектуры, живописность слова. Работая над последней пьесой, шутил, что роль Раневской лишь «намазана», а барский дом описал как художник.

Записные книжки сохранили лишь часть наблюдений Чехова. Он не раз уверял, что в его голове живут, меняются, взаимодействуют тысячи сюжетов, персонажей («уйма», «тьма тьмущая», «пропасть», «1036 сюжетов для мелких рассказов»). В 1888 году он говорил: «У меня в голове томятся сюжеты для пяти повестей и двух романов. Один из романов задуман уже давно, так что некоторые из действующих лиц уже устарели, не успев быть написаны. В голове у меня целая армия людей, просящихся наружу и ждущих команды» (П 3, 47). Всё это было им увидено, услышано, отфильтровано памятью и ожидало своего часа.

Упоминание сюжетов для романов, история ненаписанного Чеховым романа — важнейшая тема, которая тоже связана с проблемой *автобиографизма*. Даже по сохранившимся в письмах деталям видно, что эти замыслы впитали воспоминания Чехова о детстве и юности, которые есть и в письмах.

Письма полны мгновенных зарисовок, предвосхищавших сюжеты, монологи, реплики героев, диалоги, ситуации будущих водевилей, драм, комедий, рассказов Чехова. Многие из них почерпнуты из домашнего обихода, пародируют речь родных и знакомых Чехова. Зачастую в них была угадана судьба человека. В чеховских произведениях свершаются события, которые случились с ним, в его медицинской практике, упомянуты его собственные желания, переживания, воспоминания.

Изучение того, что и как видел и запоминал Чехов, когда и почему вспоминал в письмах, отчего одни воспоминания не угасали, а другие, по его словам, «бледнели», рассказы о своих снах в письмах Чехова, каков эмоциональный подтекст его переживаний в связи с воспоминаниями — всё это важно в поисках ответа на едва ли не главный вопрос, занимающий биографов, исследователей жизни и творчества Чехова. Действительно ли его душевный мир оказался неуловим не только для художников, писавших его портреты, для современников Чехова, но и для его читателей? И как сосуществовали в письмах художественное сочинительство и эпистолярное повествование?

Он многое рассказал о себе в письмах: о привычках, пристрастиях, вкусах. Не скрыл, что его коробило, чего он избегал. Чехов не раз высказывался о своем характере, темпераменте. Признавался в том, о чем не всегда пишут в дневниках. Не умолчал о приступах апатии, тоски,

меланхолии. Часто писал о хроническом безденежье, о долге перед семьей, о желанной и недоступной внешней свободе. Письма позволяют представить, как менялись такие признания и рассказы на протяжении лет, какими тончайшими нитями они связаны с интонацией сочинений Чехова.

Некоторые признания Чехова вызывают недоумение. Почему, допустим, уже в зрелые годы он соглашался на явно заниженный гонорар, шел на уступки, смирялся? Письма объясняют эту черту характера, природу внешних противоречий в жизни Чехова. Но они открывают и то, в чем Чехов никогда не уступал. Он всегда настаивал на том, что в творчестве главное — «гнуть свою линию», а в жизни — оставаться самим собой, не дать угаснуть чувству внутренней, личной свободы.

Он написал в одном из писем 1890 года: «Я же во всю мою жизнь, если верить покою своей совести, ни словом, ни делом, ни помышлением, ни в рассказах, ни в водевилях <...> не крал, не лицемерил, не льстил сильным и не искал у них, не шантажировал и не жил на содержании. <...> Ни подвигов, ни подлостей — такой же я, как большинство; грехов много, но с нравственностью мы квиты, так как за эти грехи я с лихвой плачу теми неудобствами, какие они влекут за собой» (П 4, 44). Какие грехи? Какие неудобства? Ответ на эти вопросы есть в письмах Чехова.

Из писем очевидно, сколь важны были для Чехова новые, особенно, как он говорил, «резкие» сахалинские и мелиховские впечатления, выход за рамки «узенькой жизни», когда душа просилась «вширь и ввысь». В письмах ощущается его постоянная готовность к превратностям судьбы, «сюрпризам» его «насмешливого счастья» («точно дразнится судьба»). В сущности, он запечатлел в письмах собственное физическое угасание, тот самый «взгляд на смерть», и свое последнее «упование» (одно из любимых слов Чехова).

Чего же недоставало в чеховских письмах некоторым адресатам, читателям и исследователям? Рефлексии? Самокопания? Но это было не в его характере. Он пошутил однажды, что в письмах то «недописывает», то «переписывает», то есть недоговаривает либо проговаривается. Ставшее общим местом мнение об особой скрытности Чехова, может быть, есть следствие недопонимания природы его потаенности, что не может не сказаться на исследовании автобиографизма сочинений и писем Чехова.

Он не любил «неприятную откровенность», неизбежную в некоторых ситуациях. Прибегал к ней в исключительных случаях (письмо к А. С. Суворину от 20 августа 1888 года и к В. М. Лаврову от 10 апреля 1890 г.). Он таил свое сочинительство, особенно в зрелые годы. Вероятно, не только в силу им же установленного правила: не делиться сюжетом, не читать фрагментов, не обсуждать героев до окончания работы.

Но и потому, что в эти годы в его прозе и драме возрастало внутреннее напряжение слова, менялось присутствие автора в повествовании и в собственных письмах.

Последние пятнадцать лет Чехов работал в постоянном *одолении*. Как внешних обстоятельств своей жизни: тяжелые недомогания; бытовые неудобства; нехватка средств и времени, которые уходили на медицинскую практику, земскую деятельность. Так и в одолении внутренних тревожностей: восприятие литературным окружением и критикой его сочинений; собственные сомнения в сочинительстве «вопреки всем правилам». Всё это ощущается в письмах Чехова. Особенно в том, что на первый взгляд кажется парадоксальным или вызывает вопросы.

Например, какой смысл вкладывал Чехов в слова *счастье, праздность, одиночество, равнодушие*. Он мог писать о желанном одиночестве, то есть уединении, если одолевали многочисленные гости в Мелихове, визитеры в Ялте. Но не однажды переживал тяжелое душевное состояние, которое называл «круглым одиночеством». Оно было сродни «глухой тоске небытия», «подавленному отчаянию», чувству, что он никому не нужен.

Однажды, размышляя об успокоительном и умиротворяющем действии природы на человека, Чехов заключил: «Только равнодушные люди способны ясно смотреть на вещи, быть справедливыми и работать — конечно, это относится только к умным и благородным людям; эгоисты же и пустые люди и без того достаточно равнодушны» (П 3, 203). Но не раз признавался, что «оравнодушел», что испытывает «полное», иногда «сплошное» равнодушие. В 1892 году он писал А. С. Суворину: «Постарел я не только телесно, но и душевно. Я как-то глупо оравнодушел ко всему на свете <...>. Это или болезнь, именуемая в газетах переутомлением, или неуловимая сознанием душевная работа, именуемая в романах душевным переворотом; если последнее, то всё, значит, к лучшему» (П 5, 49).

К лучшему? Чехов чувствовал, что «струна» его жизни, которую «натягивали» интенсивная работа сознания и житейские обстоятельства, порвется раньше срока. Он написал еще в молодые годы, что «трудно сказать, когда, в какой день и час лопнет натянутая струна или обвалится сгнившая крыша» (П 2, 42). Письма — уникальный источник, чтобы проследить, как он сам «натягивал» эту струну (П 3, 38), потому что «какая-то сила, точно предчувствие» торопила его, чтобы он спешил (П 5, 306). Эту силу он называл также «пророческим чувством», которое, по уверению Чехова, не обманывало его ни в жизни, ни в медицинской практике. Оно проявлялось явно или скрыто в его сочинениях и письмах.

Чтение чужих рукописей Чехов считал «гимнастикой для ума». Он полагал, что для художественного изображения надо *познать* то, что видишь в полной мере, *понять* главное, не цепляясь за частности, и *объяснить* просто. Говорил, что понимание природы мнений важнее уяснения сути, что их надо рассматривать как вещи, как симптомы, постигать их зависимость от внешних влияний (II 3, 266). Сам он обладал феноменальной наблюдательностью, необыкновенным чутьем художника.

Во многих письмах Чехова ощущается сверхнапряженная работа сознания. Он сочинял даже во сне. Не раз сетовал на «дерганье», которое будило его и было признаком неостановимой творческой работы, «толкастики». Может быть, именно такая работа сознания объясняет особое восприятие Чеховым времени. Оно текло для него быстрее. Отсюда неожиданное ощущение собственного возраста, которое влияло на интонацию его эпистолярного повествования. В 38 лет ему казалось, что он прожил 89 лет. Интенсивная умственная и душевная жизнь теснила прошлое, и Чехов порой относил то или иное событие к более раннему сроку. Отсюда, может быть, отсутствие в письмах Чехова дат, особая манера обращаться к адресату, словно, в сиюминутной беседе, или начинать письмо вовсе без обращения, будто продолжая разговор.

Для работы Чехову было важно в числе прочего и то, что в это время оказывалось в поле его зрения. Поэтому он не раз отмечал в письмах, как значим для него вид из окна. Особенно если ощущалась даль. Тогда ему работалось. Тогда, наверно, из глубин его исключительной памяти всплывали сюжеты, в которых растворились события и впечатления его собственной жизни.

Одну из своих кратких автобиографий, написанную в 1892 году в шутку и всерьез по просьбе В. А. Тихонова для журнала «Север», Чехов закончил словами: «Однако всё это вздор. Пишите, что угодно. Если нет фактов, то замените их лирикою» (II 4, 363).

Но зачем писать «что угодно», если есть письма Чехова.

